

КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ

№ 2
(131)
весна
2005
года

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОМЕРУ

СТИХИ В ДОРОГУ

Павел Голосов «А почему я должен умирать?»,
«Дед меня моложе...» 2 стр.

КАЦКИЙ СТАН СЕГОДНЯШНИЙ

Новости волости Кадки 3 стр.

ПЕРЕПИСЬ «КЛ»

Детский сад «Василёк» 4 стр.

ФОТОСНИМОК НОМЕРА

«Кацкарь, вернувшийся с войны...» 5 стр.

ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ

Великой Победе – 60 лет! 6 стр.

ПАМЯТИ ПРАДЕДУШКИ

Дмитрий Галкин «Судьба человека
в судьбе страны» 6-7 стр.

ШКОЛЬНЫЙ «АЛЬБОМ ПАМЯТИ»

Любовь Румянцева «По следам «Красных следопытов» 8 стр.

СЛОВО О ВЕТЕРАНЕ

Павел Щебалёв «Дедушка Ваня» 9 стр.

О ПЕРЕЖИТОМ

Николай Шварёв, Нина Берёзкина
«На торфоразработках» 10-11 стр.

ЕЩЕ ОДНА СУДЬБА

Александр Шерстнёв, Екатерина Голикова
«Пережившая оккупацию» 11 стр.

Я ПОКОНУ КАЦКОГО

София Иванова-Шершнёва
«Книга о родных» 12-14 стр.

ИСКИРЬКИ

Коротко о Кадке в войну 14 стр.

ПОБАХОРИМ ПО-КАЦКИ

Сергей Темняткин «Кочига, кочига...» 15 стр.

КАЦКАЯ ТОПОНИМИКА

Ольга Воробьёва «Названия мартыновских прудов» 16-17 стр.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Эдуард Гарин «Ищу Гариных из Ковезина» 18 стр.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Программа X Кацких краеведческих чтений 19 стр.

КАРТА ОТ «КЛ»

Мартыновские пруды 20 стр.

Журнал краеведов
Кацкого стана
(волости Кадки)
«Кацкая летопись»
№ 2 (131)
весна 2005 года
Редактор
С.Н. ТЕМНЯТКИН
Секретарь
Н.В. РУМЯНЦЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 152846
д. Мартыново
Мышкинского района
Ярославской области
ТЕЛЕФОН
В МАРТЫНОВЕ:
(08544) 3-27-36
САЙТ В ИНТЕРНЕТЕ:
KL-21.narod.ru
АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:
<KL-21@list.ru>

Журнал является
преемником газеты
«Кацкая летопись»,
выходившей
в 1992-2002 гг.

ИЗДАТЕЛЬ
некоммерческая
организация КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

«КЛ» ждет помощи!
Наши банковские реквизиты:
ИНН 7619002912
КПП 761901001
расчетный счет
40703810077150110020
В Угличском ОСБ РФ
№ 2532/056,
корр. счет
30101810500000000670
БИК 047888670
КЛУБ
«КАЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ»

© «Кацкая летопись»
Перепечатка –
обязательно со ссылкой
на «КЛ»

Номер набран и сверстан в
МУ «Редакция «Угличская
газета» (г. Углич)
Отпечатано
в ОАО «Полиграфия»
(г. Ярославль)
Заказ 1244
Тираж 550 экз.

Стихи в дорогу

А ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН УМИРАТЬ?

*А почему я должен умирать?
В глазах – березы,
На крыльчке – мать,
Чужие горы прятают рассвет,
А мне всего лишь
Восемнадцать лет.
Негромкий выстрел тишину тревожит –
Где та граница
Между «есть» и «может»?
Все может быть:
И завтрашний рассвет,
И может быть мне
Девятнадцать лет.
А может – взрыв,
И вздрогнет в страхе вечность,
Полет, обрыв,
За ними – бесконечность.
Так почему я должен умирать?
А выживу – чья будет плакать мать?
Затихли горы, побелел рассвет,
Мне и ему по восемнадцать лет...*

ДЕД МЕНЯ МОЛОЖЕ...

*Мне пятьдесят. Но дед меня моложе –
Вот обелиск, вот дата, вот и грань.
Ему на запад долгий путь проложен.
Вновь эшелон. Гармоника, играй!*

*Играй, родная, обо всем, что было,
Играй о том, что ждет вас впереди.
Жена на фронт слезами проводила,
Перекрестила: «Родненький, иди!»*

*«Иди!» – склонили головы березы,
Как будто знали, что возврата нет.
«Иди!» – тихонько шевельнули грозы,
И ветер разметал последний след.*

*Стучат колеса, ритмы задавая,
Жми, гармонист, на кнопки, как на спуск.
Поет пехота, вся еще живая,
И дым махорочный в теплушке густ.*

*Играй с надрывом про реку и поле,
Про лес и дом родимый у пруда.
Лихая им опять досталась доля –
Им двадцать пять останется всегда.*

*Играй, трехрядка! Где судьба солдата?
Мы встретимся лишь через много лет.
Вот обелиск гранитный, вот и дата.
И ты всегда меня моложе, дед.*

Павел Николаевич ГОЛОСОВ,
с. Ордино, Нижняя Кадка

Кацкий стан сегодняшний

Думы о будущем

КАК ДАЛЬШЕ АЛФЁРОВЦАМ ЖИТЬ?

В деревне Алфёрово Кацкого стана 10 домов, 27 человек. Четверо – одинокие; остальные являются членами шести семей. Подрастает 9 детей, четверо из которых – школьники. У большинства семей – очень крепкие хозяйства. Только коров и курец держат четыре хозяйства, а в остальных есть еще и овцы, лошади, телята, козы и даже пчелы. Так что сказать, что живут здесь сплошь тунеядцы, нельзя.

Но поскольку работать негде (Алфёровская ферма СПК «Искра» нарушена в 1995 году), все работоспособные жители деревни состоят на учете в центре занятости. Это дает пусть и небольшие, но деньги, а самое главное – трудовой стаж.

Но алфёровцы мечтают и о более надежной перспективе – создании в их деревне фермерского хозяйства. Планов у них громадье: и льноводство в союзе с СПК «Мерга», и свиноводство, и производство молочной продукции. Все, что нужно для воплощения идеи в жизнь, – деньги...

И вот разобраться, насколько серьезны намерения жителей деревни, приехал сам глава Мышкинского муниципального округа А.Г. Курицин. Он согласился с тем, что если люди

хотят работать на своей земле и зарабатывать, чтобы прокормить себя и семьи, поддержать их и помочь в финансовом отношении администрация округа должна. Однако, сегодня в сельскохозяйственном производстве есть отрасли убыточные и есть прибыльные.

Прибыльной и наиболее приемлемой для алфёровцев Анатолий Геннадьевич считает овцеводство. Он предложил всем еще раз крепко подумать и встретиться вновь после того, как будет решен вопрос с выделением земельных паев (они у алфёровцев в СПК «Искра») и представлено экономическое обоснование такого вида деятельности, на котором будет остановлен выбор.

Наталья ЛЫСИКОВА,
(«Волжские зори»)

Живем!

ГУЛЯЛА ВСЯ ДЕРЕВНЯ

В деревне Мартыново, что на западе Ярославли, живут кацкари. Так называют себя население реки Кадки, которое от соседей отличается своеобразными обычаями, диалектом, поверьями. На свадьбу тут приглашают близкую родню, а поскольку кацкари сплошь друг другу родственники и знают эти связи до седьмого колена, гостей собирается множество.

Празднуют в Доме культуры: он большой, двухэтажный. Зрительный зал освобождают от кресел, вносят обеденные столы. Танцы устраивают в фойе. Там по периметру ставят сиденья для «гляженных» – людей, которые приходят посмотреть на свадьбу без приглашения. Они знают когда можно явиться: вот гости откушали, пошли плясать, а те, кто обслуживает свадьбу, моют посуду, ставят новые блюда.

Перемена длится часа два – в это время гляженные смотрят на танцы, а их обносят угощением. Музыка тут звучит всякая, но обязательно приглашают гармониста. В последний раз звали Николая Кузнецова из Шипилова – это когда в январе играли свадьбу Евгений Дорофеев и

Валентина Овчинникова. Гостей было 85. А в октябре женились Игорь Фролов и Наталья Замяткина – пригласили 120 человек.

После бракосочетания кацкари уезжают жить в Углич – это новый обычай. В деревне работу не найти, а в городе молодые устраиваются: Евгений Дорофеев нашел место в строительной бригаде, Валентина – в магазине. Игорь Фролов – водитель, Наталья учится в филиале Ярославского университета при колледже.

В Кацкий стан они еще вернуться, когда у них появятся дети: растить на свежем воздухе и молоке. А потом – кто знает...

Елена ПЕТРОЧЕНКО,
(«Северный край»)

РОЖДЕСТВЕНО

ВСЕКАЦКИЙ ДЕНЬ СПОРТА. Сразу два больших спортивных мероприятия состоялись в селе 26 февраля: конкурс «Папа, мама, я – спортивная семья» и волейбольные игры. В спортивном состязании семей соревновались Медведевы из Глазова, Новиковы из Аристова и Румянцевы из Мартынова – победили мартыновские Николай и Анастасия Румянцевы и их сын Владик. В волейбол играли три команды: рождественская, мартыновская и мышкинская. Встречи были упорными, никто не желал уступить, но в результате победил Мышкин, а на втором месте – Рождествено. Хорошим выдался день, и все – игроки и болельщики – согласились, что наши кацкие села да деревни богаты спортивными талантами, и это увлечение спортом надо всячески развивать и поощрять.

ПЛАТУНОВО

УШЕЛ НА ПЕНСИЮ ФЕЛЬДШЕР. Сорок пять лет – с 1959 года по 2004-ый – отдала Платуновскому фельдшерско-акушерскому пункту Мария Николаевна Торопова: служила людям, пока позволяли сила да здоровье. К сожалению, смены ушедшему на пенсию фельдшеру нет, а доктор платуновской стороне ой как нужен – в шести здешних деревнях проживает 174 человека. Выручает Татьяна Николаевна Голосова из соседнего Ординского ФАПа, приезжает дважды в неделю: по средам до обеда и по пятницам с обеда. Платуновцы не нарадуются: при отсутствии собственного специалиста – это очень хороший выход.

ОРДИНО

ЛЕСА НЕ ОТДАЛИ. Давать или не давать добро на аренду лесных участков, расположенных в Кадке и выставленных на продажу Угличским лесхозом – с таким вопросом собирався в Ордине сход граждан села и округа. Решение вынесли единодушно: отказать! И не потому даже, что нет доверия подмосковным заготовителям (основным претендентом на аренду было ООО «Лесозаготовительная компания «Кедр» из Сергиева Посада), а потому, что, как заметил один из участников схода, все природные богатства и так растащили – один лес и остался. Да и срок аренды уж очень большой – 49 лет, когда как уже в следующем 2006 году состоится переход к совершенно новой структуре местного самоуправления и, может статься, именно лес станет основным источником наполнения местного бюджета. За чем же торопиться?

Сергей ТЕМНЯТКИН

Перепись «КЛ»

Детский сад «ВАСИЛЁК»

Что ж, продолжая путешествие по детским садам Кацкого стана, заглянем в село Рождествено – в тамошний детский садик «Василёк». А он и впрямь, как василек: чистенький, ухоженный, и детишки в нем, как цветочки... Впрочем, на сей раз нас интересует не лирика, а статистические данные.

Их и публикуем! И современным читателям полезно, и для памяти пригодится: пусть будущие исследователи, которые рано или поздно обязательно придут к нам на смену, при надобности без труда отыщут в старой подшивке «Кацкой летописи» потребовавшиеся сведения.

1. Полное название: детский сад «Василёк».

2. Юридический адрес: 152845, с. Рождествено Мышкинского района Ярославской области.

3. Год основания: 1976 год.

4. Число групп: в детском саду одна разновозрастная группа, которая на занятия делится на подгруппы: ясельная, средняя и подготовительная.

5. Число детей: 10 детей – 5 мальчиков и 5 девочек.

6. Из каких селений посещают детский сад ребята, какое из них удалено всех более: из села Рождествена, поселка Мерги и деревни Аристово. Далее всех Аристово – в пяти километрах от садика.

7. Организован ли подвоз детей? Подвоз детей из Аристово осуществляется школьным автобусом.

8. Список воспитателей, педагогический стаж (в скобках – в стенах данного детского садика): ВОРОНОВА Людмила Дмитриевна – заведующая – 11 (11);

СМИРНОВА Надежда Ивановна – воспитатель – 5 (3);

МАЛЫШКИНА Елена Николаевна – младший воспитатель – 0 (0).

9. Награды и звания воспитателей: пока нет.

10. Число воспитателей с высшим образованием: нет.

11. Число воспитателей – уроженцев Кацкого стана: 2.

12. Заведующая: Л.Д. Воронова.

13. Основные направления работы детского сада по дошкольному образованию: детский сад работает по типовой программе плюс особое внимание работе с родителями.

14. Традиционные мероприятия: в детском садике регулярно проводятся утренники, посвященные праздникам: Новому году, Дню за-

щитников Отечества, Международному женскому дню, Дню Победы. Нередки и тематические утренники: «Ребятам о зверятах», «Дарите людям доброту», «Осенние встречи», «Праздник урожая» и другие.

15. Общесельские мероприятия, в которых участвует детский сад: В настоящее время воспитанники детского садика «Василёк» малы, но, как правило, в праздновании Дня Победы участвуют. Случается, приглашают детский садик и в школу – на линейку, посвященную Дню знаний (1 сентября).

16. Имеется ли при детском саде огород? Был, но в конце концов родители решили, что им удобнее выращивать овощи на личных участках и приносить в детский сад. Зато цветник при садике имеется, а

прошедшей осенью высадили и ягодные кустарники.

17. Организовано ли питание детей? Конечно: завтрак, обед и полдник.

18. Есть ли детская площадка? Есть.

19. Сколько зданий занимает садик? Одно.

20. Краткое описание здания: под детский сад в 1976 году по многочисленным просьбам родителей был приспособлен жилой двухквартирный дом, строительство которого с 1971 года вел совхоз «Оборона». Здание одноэтажное, щитовое, удобное.

21. Работает ли родительский комитет? Когда родители были более инициативными, работал. Сейчас все вопросы решаются на родительском собрании, созываемом не реже одного раза в квартал.

22. Имеется ли орган самоуправления, как называется? Имеется, минипедсовет.

23. Основные проблемы. Во-первых, поскольку здание уже старенькое, желателен его капитальный ремонт (до сих пор были только косметические ремонты) и полная замена системы отопления. Во-вторых, большой проблемой является отсутствие телефона (а учреждение-то ведь детское – мало ли что!). В-третьих, как и абсолютно всем заведениям, хотелось бы большего финансирования. И в-четвертых, тревожит постоянно снижающаяся рождаемость и связанное с ней уменьшение посещающих детский садик малышей. Нынче, например, из детского сада в школу уйдут двое малышей, а на смену им придет только один.

24. Есть ли телефон? К сожалению, нет.

Весь детский садик «Василёк»: взрослые и дети.

Фото С. ТЕМНЯТКИНА, 2004 год

ФОТОСНИМОК НОМЕРА

Кацкарь, вернувшийся с войны...

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ЧУРАКОВ ПОСЛЕ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ. с. Юрьевское. 1946 год.

Снимок из личного архива семьи Чураковых

По случаю юбилея

Великой Победе – 60 лет!

«Кацкая летопись» никогда не скупилась писать на военную тему. Публиковала и интервью с ветеранами-фронтовиками, и воспоминания тружеников тыла, и детские сочинения, и архивные изыскания. Право же, напечатанного материала так много, что вполне хватит на отдельную книгу.

А что – Бог даст, и книга выйдет!

Пока же мы продолжаем собирать для нее материалы, которые удивительно подходят и дополняют друг друга. Так, в сегодняшнем номере мы публикуем воспоминания женщины из Гусева, бывшей на торфоразработках в Солонихинских болотах, и сразу припомнилась частушка, которую мы напечатали когда-то раньше:

*Дорогая моя мама,
Забери меня домой!
В Солонихе на болоте
Оказалось тюрьмой!*

Кстати, частушки и песни, присловья и даже просто диалектные слова, рожденные в войну, – еще один бесценный источник наших знаний о тех героических и горестных днях. Не зря «Кацкая летопись» так к ним неравнодушна: те нюансы напряженной жизни, что передают они, порой и в самой доштой энциклопедии не сыщешь.

Знаете ли вы, например, уважаемые читатели, как в годы войны кацкари стали называть тошнотники – перезимовавший в поле картофель, из которого приумудрились веснами стряпать лепешки? Колдунками! Ибо спасли те тошнотники-колдуны немало человеческих жизней...

И вообще, «Кацкая летопись» всегда была по-особому пристрастна именно к тыловым будням народа, а не к героике передовых. И не только потому, что Кацкий стан в Великую Отечественную был как раз тыловой территорией – нам всегда было важно, а в последнее время и актуально понять и раскрыть «технологии» подвига именно тружеников тыла. Как можно было при регулярном недоедании и недосыпании выдержать четыре года надрывного труда?

Многие будничные факты военной поры из сегодняшнего дня выглядят совершенной фантастикой. Ну ладно, мужиков нет – они на фронте. Так ведь и лошадей не хватало – и лошади воевали! Пахали на коровах, а, случилось, жалеючи скотину, и в ручную лопатами вскапывали целые колхозные холма! Не за ордена, не за миллионы, а потому что так надо было...

Мы, нынешние, сможем ли?

...Сегодняшняя подборка материалов – своеобразные уроки, которые нам преподало военное поколение. Кажется, мы должны усвоить их, чтобы выжить. А выживем, даст Бог, и книгу издадим. И не одну!

Ваша «КЛ»

Памяти прадедушки

Судьба человека в судьбе страны

Судьба каждого человека зависит от событий, происходящих в стране в то время, в котором он живет.

Я расскажу о моем прадедушке Сергее Алексеевиче Кукличеве. Родился он 7 января 1899 года – в предпоследний год XIX века. Началось XX-ое бурное и кровавое столетие...

Родился он в деревне Мякишеве в крестьянской семье. В 1908 году поступил учиться в Ординскую церковно-приходскую школу. В то время все крестьянские дети уже имели возможность учиться, так как было открыто много церковно-приходских и земских школ. Правда, заканчивало четыре класса меньше половины учеников – многие, проучившись год-два, были вынуждены бросать учебу. Особенно девочки – их оставляли дома нянчить младших братьев и сестер.

Сергей Кукличев закончил четыре класса и в 1911 году получил свидетельство об окончании школы и похвальный лист за хорошую учебу.

В начале XX века в Кацком стане было широко распространено отходничество: недостаток земли при большом населении и низкие урожаи не давали возможности крестьянской семье прокормиться трудом в своем хозяйстве, поэтому осенью многие мужчины уходили на заработки в города – в основном в Петербург. По этой же причине в Петербург старались отправить и подростков – уже на долгое время. Там им подыскивали работу – обычно в трактирах и магазинах.

Сергей Кукличев в тринадцать лет был тоже отправлен в Питер – там работал у нескольких хозяев в ресторанах посудомойщиком. И так бы, наверное, и стал питерским жителем, но началась Первая мировая война, а затем и революция. Разруха, голод, безработица заставляли покидать город. В первую очередь уезжали те, у кого оставались родственники в деревне.

Вернулся в Мякишево и Сергей и вновь стал крестьянином. Закончилась Гражданская война,

надо было налаживать хозяйство, заводить свое, и в двадцать четыре года Сергей женился на Анне Гавриловне Кашуриной, которая была сиротой и с девяти лет воспитывалась в семье своего дяди Галактиона.

Но крестьянская жизнь с ее размеренностью и однообразием, видимо, уже не устраивала Сергея Алексеевича. Он оставляет хозяйство и уезжает искать лучшей жизни в городе, переезжает из города в город, работая в основном плотником. По воспоминаниям его сына Петра Сергеевича Кукличева, у них дома на столе была карта, где отец отмечал места, где был. Таких мест было много. Периодически возвращался домой и принимался крестьянствовать.

Но в истории страны открывалась новая страница, резко менявшая жизнь деревни. Началась коллективизация. В 1929 году в Ординском сельсовете образуются первые коллективные хозяй-

Сергей Алексеевич Кукличев во время работы председателем колхоза им. Крупской. Около 1930 года.

Снимок из собрания краеведческого музея села Ордина

Письмо Сергея Алексеевича Кукличева с фронта домой. 5 января 1942 года.

Документ из собрания краеведческого музея села Ордина

ства – колхозы. Одним из первых был образован и в Мякишеве колхоз имени Крупской. Для руководства колхозом избирали председателя, обычно наиболее грамотного и хозяйственного крестьянина. В колхозе имени Крупской одним из первых председателем был избран Сергей Алексеевич Кукличев.

Но проработал он в этой должности несколько месяцев. Коллективизация потрясла деревню. Многие крестьяне, не желавшие вступать в колхозы, бросали хозяйство и уезжали в города. В это время в стране начинается бурное строительство промышленных предприятий, строятся электростанции, начинается освоение Сибири и Дальнего Востока. На стройках нужны рабочие руки, и туда из городов и сельской местности приглашаются желающие участвовать в этих грандиозных стройках. Это называлось вербовкой. Специально назначенные люди ездил по стране и пригла-

шали (или, как говорили, вербовали) на эти стройки, обещая хорошие условия жизни в дальнейшем.

Вербуются и уезжает на стройки и Сергей Алексеевич. Работал в разных местах, был в Сибири и даже на острове Новая Земля в Северном Ледовитом океане. Незадолго до войны приехал в Москву, где также велось огромное строительство. В Москве продолжал работать плотником на строительстве домов, в которых жили партийные и хозяйственные руководители.

Жизнь становилась более спокойной, но началась Великая Отечественная война. К осени 1941 года немцы подошли к Москве и началась оборона столицы. В этом году Сергей Алексеевич был мобилизован в армию и участвовал в обороне города. По возрасту, а ему было уже сорок два, служил в обозе, подвозя на лошадях снаряды и продовольствие для фронта.

В письме с фронта в начале 1942 года он подробно описывает свою фронтовую жизнь и фронтовые условия. Вот текст этого письма жене и детям:

«...Нюша, я из Иванова выехал на лошадях 8 декабря на фронт под Москву на Наро-Фоминское направление и теперь нахожусь на фронте, подвозим продукты и боеприпасы для войск на передовые позиции. Вчера в 6 часов вечера чуть не попал немцам в плен, сам убежал с товарищами от немцев, а лошадям пришлось бросить, потому что они были с грузом и обоз наши застрял в горе в узкой выемке. Передних лошадей побили немцы с танков пулеметами и нам негде было проехать – даже вещи свои, как котелки, белье, палатку – все пришлось оставить... Они на нас налетели из леса на танках...

Немцы сжигают деревни, когда уходят, а жителей всех разувает, валенки, у кого они есть, отбирают, а если наши попадают к ним в плен, то они раздевают их и разувает, потому что немцы очень плохо одеты и обуты, а наши бойцы одеты очень хорошо. У меня валенки новые и куртка ватная и фуфайка, брюки ватные – и так все одеты. Как приехали на фронт, то остановились в лесу в шалашах из еловых сучьев и в них разводим костер и так сидим день ли, ночь – все время огонь горит, а то замерзнешь. Воды не было, таяли снег для чая и пили. В деревне дома, которые сожжены, а если уцелели, то в них ни одного стекла в окнах нет, все выбиты минными осколками, в которых вышибены простенки или крыши разбиты, а то углы прошиблены.

Я нахожусь от Москвы недалеко, в городе Борске, а был еще ближе на 80 километров, а когда ехал на фронт, то мимо Москвы.

Нюша, я наверное, не вернусь с фронта живой, потому что эта война очень много требует жертв, так что прощай. Я нахожусь в латышской дивизии. Прощай, может, большие не увидимся».

В 1943 году Сергей Алексеевич Кукличев погиб. Так завершился жизненный путь моего прадедушки, пережившего вместе со страной все основные события первой половины XX-го века.

Дмитрий ГАЛКИН,
Ординская школа,
Нижняя Кадка
Руководитель работы –
П.Н. ГОЛОСОВ

Школьный «Альбом Памяти»

По следам «Красных следопытов»

Когда мы готовились к оформлению Уголка Памяти и разбирали школьные архивы, то обнаружили фотографии участников Великой Отечественной войны. По-видимому, они остались после работы «Красных следопытов» - детского движения, существовавшего в нашей школе еще в советские годы. На некоторых найденных снимках стояли фамилии, а другие вообще были без подписи.

А мы в преддверии 60-летия Победы как раз решили создать «Альбом Памяти» с фотографиями погибших на фронтах жителей нашего сельсовета, а также участников войны, вернувшихся домой живыми. Представляете, как оказались кстати случайно обнаруженные фотоснимки!

Для начала мы провели индивидуальные беседы со старожилыми села. Почти все фотографии были опознаны: мы узнали фамилии, имена, отчества и некоторые сведения из биографий заснятых на них людей. Затем через местную сельскую администрацию установили года смерти этих участников Великой Отечественной войны. Наконец, обратились к III-му тому «Книги Памяти», выпущенному в Ярославле в 1994 году.

По «Книге Памяти» мы узнали подробности 16-ти судеб: Оказалось, 9 человек с фотографий погибли, а 7 – пропали без вести в период с 1941 по 1945 год. Причем, больше всех погибло и пропало без вести в 1942 году.

У нас остались еще 20 фотографий. Мы установили, что 12 человек, изображенных на них, вернулись с фронта, но умерли в разное время. Чтобы узнать даты их смерти, мы даже ходили на кладбище – удалось разыскать могилы пятерых фронтовиков. У остальных участников войны с одиннадцати фотографий удалось записать только фамилии и имена. Два снимка, к сожалению, остались неопознаны, поэтому поисковую работу нам предстоит проводить и дальше.

На первую страницу «Альбома Памяти» мы поместили фотографию нашего старейшего учителя Дмитрия Измайловича Лебедева. Он воевал на Ленинградском фронте, участвовал в прорыве блокады. С войны вернулся в 1946 году. Умер Дмитрий Измайлович в 1991 году.

Далее в «Альбоме Памяти» идут фотографии наших земляков, не вернувшихся с войны, а затем – фронтовики-вете-

раны. К сожалению, их с каждым годом становится все меньше и меньше: в 1998 году у нас умерли три ветерана, в 2000 году – один ветеран, в 2001 году – один ветеран, в 2002 году – два ветерана и в 2003 году – три ветерана.

Особо хочется рассказать о Григории Александровиче Молчанове – одном из героев нашего «Альбома Памяти». Он был интересным собеседником. В 1938 году Григорий Александрович был призван в Армию, служил в береговой обороне Краснознаменного Балтийского флота. Во время Великой Отечественной войны служил в зенитной артиллерии в Кронштадте. Все 900 дней находился в блокадном Ленинграде.

Из рассказа Григория Александровича: «Началась зима. Спали под открытым небом вместе с оружием, накрывшись чехлом, так как землянки еще не было. Холод, голод – вот что запомнилось из тех дней. Девятьсот дней ели вареный овес без соли и масла, 120 граммов хлеба на сутки.

Стояли с приятелем на посту. Разузнали, что в городе есть часовых дел мастер, и решили сходить к нему отремонтировать часы. Взяли свои 120 граммов хлеба, чтобы рассчитаться с ним потом. Пришли, а у них на кухне пахнет жареным мясом – это бабка чего-то жарила. «Откуда мясо?», – спрашиваем. «Была у нас собака, мы ее объели. Кошку съели. Хотите, угощайтесь котлетками, только они человеческие!»

Мы отказались, ушли – не могли там больше оставаться. Даже часы не стали ремонтировать».

После прорыва блокады Григорий Александрович служил на острове Балтийском, а затем на Дальнем Востоке продолжал службу на войне с японцами.

Демобилизовался в 1946 году – служба у него затянулась на шесть лет. В 2002 году Григорий Александрович Молчанов умер, оставив о себе долгую и светлую память.

В Рождественский сельский совет с Великой Отечественной войны не вернулись 352 человека. И пусть мы не смогли увековечить всех в нашем «Альбоме», частичка памяти о некоторых наших фронтовиках-земляках теперь есть в Рождественской школе.

Любовь Васильевна РУМЯНЦЕВА,
Рождественская школа, Средняя Кадка

Рождественские ветераны на сорокалетию Победы: Михаил Павлович Синёв, Сергей Фёдорович Кудрявцев, Дмитрий Андреевич Дубинин, Василий Максимович Киселёв, Константин Павлович Богданов, Анатолий Александрович Лемехов, Мария Андреевна Медведева, Алексей Павлович Кудяков, Иван Николаевич Голиков. 9 мая 1985 года.

Снимок из собрания Рождественско-Кацкой библиотеки

Слово о ветеране

Дедушка Ваня

Война... Давно отгремели ее бои. И все меньше и меньше ветеранов празднуют вместе с нами светлый праздник Победы. Каждый год редуют их ряды. Но пока еще остались люди, которые могут рассказать нам о суровых и героических днях той великой и страшной войны.

«Дедушка Ваня» – так называю я человека, о котором буду рассказывать. В сентябре 2003 года отметил он свой восьмидесятилетний юбилей. И пела гармошка в его руках, и молодо блестяли глаза, не сутулились плечи от пережитых тягот. А выпало их на долю Ивана Николаевича Чуракова немало, хотя сам он и не считает себя героем.

25 октября 1941 года ушел добровольцем на фронт худенький паренек из Юрьевского. До Шипилова довезли на лошади, а потом шел до Мышкина пешком. В военкомате познакомился с мышкинцем Петей Сайкиным и вместе с ним попал в 234 Ярославскую коммунистическую дивизию. Сначала учились в Песочных лагерях Костромской области. Там 29 января 1942 года приняли присягу.

На станцию Одинцово Московской области прибыли, когда оттуда только что отогнали немцев. А в городе Вележе Калининской области ждало молодых солдат боевое крещение, и ни где-нибудь, а на передовой. Помнит Иван Николаевич свой первый бой до сих пор. А сколько их было потом – не сосчитать! И каждый новый бой – это чья-то кровь, чья-то боль и чья-то смерть. Он терял друзей и, конечно же, знал, что один из таких вот боев может стать последним и для него.

Воевал солдат Чураков в 691 саперном батальоне, во взводе инженерной разведки. Минировали подступы к своим позициям, а перед наступлением делали проходы, снимали мины. Были и разведки боем. Тяжело приходилось молодым солдатам! Жили в блиндажах – так называли землянки, переложенные бревнами. Спали на соломе или на еловом лапнике. Да и оружия не хватало, выдавали по одной трехлинейке на двоих.

Так и воевали, подхватывая ружье из рук убитых или раненых. Но все были молоды, и, может быть, поэтому по-прежнему грустила на привалах гармошка в руках Ивана Николаевича (ее прислали из дома), а бойцы дружно выводили любимую всеми «Катюшу».

Так с боями дошли до Смоленской области. Стояли однажды в обороне. Узнали, что недалеко немецкий штаб расположен. Яростным был тот бой, хоть и не очень долгим. Штаб закида-

Фронтвики-земляки: Николай Иванович Знамов (Мартыново), Михаил Николаевич Ершов (Мартыново), Николай Андреевич Тихонов (Нефино), Иван Николаевич Чураков (Юрьевское) и Александр Игнатьевич Соколов (Хороброво).

Фото С. Темнякина, 9 мая 2000 года

ли гранатами, немцев уничтожили, забрав знамя вражеской части. Иван Николаевич получил тогда медаль «За боевые заслуги».

А еще возникают в памяти солдата картины разрушенного Смоленска да сожженных дотла деревень. Только печные трубы напоминали о том, что когда-то здесь кипела жизнь. А оставшиеся в живых крестьяне делились с солдатами теми скудными запасами, практически крохами, которые удалось спрятать от немцев.

Однажды в блиндаж, где находился Иван Николаевич с тремя товарищами, попал снаряд. Только двое остались в живых, а сам он с тяжелой контузией оказался в медсанбате. В это время и разошлись боевые пути Ивана Чуракова и Петра Сайкина.

Войну Иван Николаевич продолжил уже в составе 179 стрелковой дивизии. В 1943 году присвоили ему звание сержанта. А наши войска тем временем наступали, с боями вошли в Белоруссию. Благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за взятие Витебска – доказательство того, что не прятался сержант Чураков за спины своих товарищей, а смело смотрел в лицо опасности. А потом была Прибалтика, бои по освобождению Риги в Латвии, Клайпеды и Мемеля в Литве, и вторая благодарность Сталина. А еще запало в душу, как поразному встречали русских солдат в Прибалтике: молодежь – настороженно, а старики – с нескрываемой враждебностью.

Дивизия, в которой служил Иван Николаевич, уничтожала немецкую группировку, где было много власовцев, и в конце 1944 года вошла в Восточную Пруссию. Боевые действия для солдата Чуракова закончились в Ке-

нигсберге. После освобождения города дивизию срочно погрузили в эшелоны и отправили воевать с Японией. Но доехать успели только до Уфы. Война с Японией закончилась.

Из Уфы 14 ноября 1945 года и демобилизовался Иван Николаевич.

Не знал он тогда, что счет его фронтовым потерям еще не закончен.

Плохие известия ждали дома. Погиб под Ленинградом старший брат Николай. Через две недели после его гибели ушел на фронт младший брат Дмитрий и пропал без вести. Не вернулся домой и боевой друг Петя Сайкин. Но надо было жить, восстанавливать разрушенное хозяйство. Коротким был отдых, всего около месяца, а потом длинная зима на лесозаготовках в Пошехонском районе.

Всю свою последующую жизнь Иван Николаевич проработал в колхозе «Верный путь». Был и конюхом, и бригадиром. А потом целых 22 года заместителем председателя колхоза. Вместе с женой Ниной Ильиничной воспитали троих дочерей. Благодарности и Почетные грамоты пополнили список боевых наград. Даже сейчас Иван Николаевич помогает дочкам заниматься домашним хозяйством. И как прежде льется в праздники над Юрьевским звонкий голос гармошки.

У Ивана Николаевича есть две внучки, но нет ни одного внука.

Несколько лет назад, когда я был совсем еще маленьким, я попросил у него разрешения называть его дедушкой. Иван Николаевич согласился. Так и стал фронтовик, труженик и просто замечательный человек для меня дедушкой Ваней.

Павел ЩЕБАЛЁВ,
г. Мышкин

О пережитом

На торфоразработках

В последние годы, переписываясь со своей троюродной сестрой Ниной Павловной Берёзкиной из поселка Борисоглебского, узнал, что во время войны она, оказывается, трудилась на торфоразработках около железнодорожной станции Родионова. Это удивительно добрая и отзывчивая женщина. Несмотря на то, что ей сейчас 82 года и она больна, Нина Павловна великодушно ответила на все мои вопросы. Из двух ее писем сложился небольшой очерк о торфоразработках, где работало много молодых девушек из Кацкого стана.

В книгах и газетах пишут все больше про героических летчиц, зенитчиц, радисток, бойцов МПВО, но совсем забыли про женщин, работавших на торфе. У нас в Питере их почему-то презрительно зовут «торфушками». Это не от большого ума, а, возможно, потому, что в городе многие нынешние люди – «перекати поле», после войны сменились.

Итак, Нина Павловна Берёзкина (урожденная Шварёва) родилась 25 декабря 1921 года в деревне Гусеве Верхней Кадки. В конце 1930-х годов, уехав из родных мест, начала было работать в Рыбинске на моторостроительном заводе, но с началом войны вернулась в деревню, чтобы поддержать двух своих внезапно осиротевших братьев. Из Гусева была мобилизована на торфоразработки, где работала с 1942 по 1946 год. После войны жила и работала в Рыбинске.

Думаю, читателям «КЛ» будет интересно познакомиться с ее воспоминаниями.

Николай ШВАРЁВ,
г. Санкт-Петербург

Когда я вернулась в деревню, меня стали везде посылать: то на рытье окопов, то на лесоповал... Потом мобилизовали, и всю войну я проработала на торфопредприятии «Солодиха», что около станции Родионова.

С мая по октябрь мы, девушки, рыли торф. Стояли по бровке карьера и лопатами бросали торф в ковш экскаватора или на транспортер. Бригада по 16-18 человек была разбита попарно, и каждая пара брала себе отдельный участок. Сначала надо было выкорчевать пни, а затем одна из девушек этой пары нарезала торф такими кусками, чтобы их можно было поднять, вторая – бросала на транспортер. Потом менялись местами, и так всю смену!

С транспортера сырая масса поступала в смеситель машины, из которого уже однородную массу торфа два человека перегружали на специальные доски: одна девушка подкладывала доски, а вторая резала эту массу большим ножом, и получались кирпичики. Доски с торфом шли по специальным тросам дальше, а там сто-

яли другие девчонки, которые снимали груженные доски и складывали торфяные кирпичики на землю рядами. Освободившиеся доски отправляли обратно по тросу. Про последних девочек говорили, что они работают «на стилке».

На карьере работало несколько машин, и на каждой – своя бригада. Работали в две смены: с семи утра и до двух дня и с двух дня до восьми вечера.

На машине работали одни девчонки – мужчин было мало, и то слесарь или механик. На нашей машине все военные годы работали одни девушки: техник Нина Павлова и бригадир Маша Лескина.

Другие бригады, а в межсезонье иногда и мы, занимались сушкой: поворачивали пласты торфяных кирпичиков и, когда они высыхали, складывали в штабеля. Из штабелей сухой торф грузили в вагонетки, которые паровозик тащил по узкоколейке от Солодихи до Родионова.

На станции торф перегружали

в большие вагоны для отправки на предприятия. На каждый вагон ставили пять-шесть человек: двое насыпали корзины, а остальные носили их по трапу – и так пока все не загрузят. Нам приходилось грузить эти вагоны и днем, и ночью, чтобы не было простоев. Так что погрузка и разгрузка были каждый день!

На торфоразработках все были одеты в бахилы, которые выдавали бесплатно. А вот фуфайку и галоши каждый покупал себе сам на рынке за деньги – хоть и небольшая, но была у нас зарплата.

Носки вязали сами из домашней шерсти. И вообще, одевались сами, как могли – старались, конечно, потеплее: представьте себе, что такое работать круглый год и в мороз, и в дождь! Но мы не болели – совсем не знали, что такое грипп. Молодые были, прожили войну в ожидании Победы, ни с какими трудностями и лишениями не считались. Зато они впоследствии сказали – многие из моих сверстниц, работавших на торфу, уже ушли из жизни...

Круглый год мы жили на болоте в бараках, и только когда приходилось разгружать вагоны – в самом Родионове.

Была баня, но все такое, что жуть: грязь, вшивость!

А семьи наши за нас получали льготы. В те времена каждая семья в деревне должна была сдать государству в год 300 литров молока, но наши семьи, благодаря нам, мобилизованным на торфоразработки, могли и не сдавать. И еще колхоз выделял нашим семьям на местах по государственной цене два центнера зерна.

Моя семья в ту пору жила в деревне, так что мои два младших брата были сыты. Да и деньги, что я на торфу получала, отдавала им на одежду и обувь.

На сушке и уборке торфа работали вербованные из Воронежской, Тамбовской, Пензенской областей. Всем им было очень трудно: условия тяжелые, выходных не было, отпусков – тоже. Нормы на сушке были высокие, и они их не выполняли, а потому получали только паек: 800 граммов хлеба и в столовой суп овсяный да овсяную кашу!

У нас, местных, тоже не было

Еще одна судьба

Пережившая Оккупацию

выходных и отпусков. Но, когда питание заканчивалось, нас иногда отпускали домой, где мы, кроме того, могли и постирать, и помыться. Домой в деревню нас отпускали по очереди на два-три дня в месяц, но случалось, что и два месяца проходили без единого выходного! Часы работы ведь были не ограничены: грузили на болоте, вагоны шли и шли – и днем, и ночью торф поднимали, и так каждые сутки!

Каждый работавший получал паек: 800 граммов хлеба и еще 300 граммов за перевыполнение плана – нам, местным, хлеба хватало. Да из дома приносили молочное, картошку и другое питание. А вот вербованным издалека приходилось тяжело: только хлеб да обед в столовой, да и добавочный хлеб не всякий получал. Когда мы приходили из дома, то отдавали приезжим свои талоны в столовую: они этому были рады!..

Из нашего Галицинского сельсовета, из колхоза «Красный пахарь», были со мной на торфоразработках девочки:

из Чижова – София Годеновская;

из Новинки – Екатерина Воронина, Екатерина Орлова, Анна Шарова, Александра Шарова, Лидия Шарова и Мария Серебрякова;

из Гусева – Нина Шварёва (это и есть я);

из Яксаева – Мария Маслова и Екатерина Баева.

Да из Кузьминского сельсовета, из колхоза «Оборона», помню девочек:

из Глазова – Екатерину Протасову;

из Кривцова – Антонину Кошачкову и Марию Кошачкову;

из Борисовки – Серафиму Пехову.

Было много девушек – землячек и из других сельсоветов, но кто именно, я, к сожалению, уже забыла.

Была я награждена медалями «За доблестный труд 1941-1945 гг.» и «Ветеран трудового фронта», но вот что было написано в трудовой книжке, не помню. По какой статье нас уволили? Книжку у меня украли, и стаж я не могла установить. Писать в разные инстанции – писала, и когда вышел указ правительства, мне выдали справку за восемь месяцев как вольнонаемной. А вот четыре года войны пропали, хотя все их выстояла у машины в карьере...

Нина Павловна БЕРЕЗКИНА,
п. Борисоглебский
Ярославской области

По случаю 60-летия Великой Победы мы хотим рассказать о трудной и непростой судьбе нашей односельчанки Веры Егоровны Медведевой, которая в детстве оказалась узником немецких лагерей.

Родилась Вера Егоровна в 1937 году в деревне Косове Новгородской области в семье работника железнодорожных путей и домохозяйки. Была она самой младшей – у родителей уже были сын Николай и дочери Любовь и Анна.

Когда началась война, Вере Егоровне было всего четыре года. Отец ушел на фронт, а мать Анастасия Семеновна осталась с четырьмя детьми одна.

Когда немцы окружили Ленинград, деревня Косово оказалась захваченной. Немцы жили в деревенских домах, в том числе и в доме Веры Егоровны. Они заняли все главные комнаты дома, а дети с матерью ютились на кухне да на печке. Вера Егоровна вспоминает, что немцы сначала относились к ним неплохо, иногда даже угощали детей. «Бывало, идет мимо немец, - вспоминает Вера Егоровна, - и кинет нам на печку хлеба или конфетку». Но так продолжалось недолго – до тех пор, пока советские войска не начали наступление.

Фашисты, отступая, семью Веры Егоровны и других жителей Косова взяли в плен. Под конвоем их отвезли на санях на станцию Бетецкую, загнали всех в лесовозочный вагон и отправили состав в Латвию. По пути их не раз бомбили.

В Латвии они попали на хутор. Жили в доме, хозяин которого каким-то образом был связан с немцами. Мать с сестрами работала по хозяйству, доила коров, а старший брат пас скотину. Как-то раз маленькую Веру заставили пасти гусей. А гуси разбежались! Она очень испугалась и горько плакала.

Хозяйка дома, где они жили, была доброй и, когда приходил хозяин с немцами, чтобы забрать все наработанное, прятала детей в подполье и велела им не высовываться.

Когда Латвию освободили от немцев, Вера Егоровна с семьей была отправлена на Родину. Несмотря на то, что была маленькой, она отчетливо помнит возвращение из плена домой. Их усадили в лесовозочный вагон, где была печка-буржуйка с выведенной из вагона трубой.

По пути домой их не раз бомбили. Вера Егоровна вспоминает, что во время одной из бомбежек мать прижала детей к себе и сказала: «Помирать, так вместе!» Но им, к счастью, повезло, и они благополучно добрались до родной стороны.

Дом их уцелел, но требовал ремонта. Отец с фронта не вернулся, старшая сестра уехала жить в Ленинград. Брат остался работать стрелочником.

Вскоре умерла мама, и Веру с Анной решили определить в детский дом. Брат Николай не позволил этого и взял опеку над детьми на себя. Вера Егоровна пошла в школу. Время было тяжелое, послевоенное – в школу приходилось ходить в кирзовых сапогах и пальто, которое волочилося по земле.

Несмотря на все невзгоды, Вера Егоровна отучилась семь классов и уехала в Ленинград искать работу. В городе она проработала три года домработницей, вырастила двоих хозяйских детей. Потом хозяйка помогла устроиться на стройку. Впоследствии Вера Егоровна встретила свою судьбу – Анатолия Медведева, который и привез ее на Ярославщину, в Кацкий стан.

Вместе воспитали двоих детей, а теперь радуются внукам. Вера Егоровна работала в пекарне, на сырзаводе, в КБО, а теперь она вместе с мужем на заслуженной пенсии. Всегда отзывчивая, веселая – такой мы привыкли видеть ее и желаем ей такой, несмотря на трудную судьбу, и оставаться.

В заключение хочется сказать простые слова: не дай Бог ни нам, ни нашим детям испытать такие тяжелые детские дни. Пусть наше детство всегда будет мирным и счастливым!

Александр ШЕРСТНЁВ,
Екатерина ГОЛИКОВА,
Рождественская школа, Средняя Кадка

Я покону кацкого

Книга о родных

Продолжение. Начало в № 4 (129), осень 2004 года и в № 1 (130), зима 2005 года.

ГЛАВА 4

Михаил Кузьмич Шершнёв

Старший сын Кузьмы Федоровича Шершнёва от второго брака, мой брат Михаил (Миня, как его все звали) рос способным мальчиком. Учебка ему давалась легко, без малейших усилий он учился на «хорошо» и «отлично».

Мы тогда жили в селе Юрьевском. В школу он ходил с моим вторым братом Геней в село Рождествено, что в трех километрах от Юрьевского.

С раннего детства Миня много читал. Вместе с братом Геней он постоянно что-нибудь мастерил, делал лыжи, санки. Сделал миниатюрные дроги, на которых можно было сидеть одному человеку, поджав колени под подбородок.

По чертежам из журнала «Мурзилка», который родители несмотря на нужду выписывали для нас, была сделана из деревянных досок небольшая, для одного человека, «легковая» открытая машина со стальным колесчатым валом. При нажатии на него поочередно ногами машина по хорошей накатанной дороге могла двигаться.

Помню, с каким нетерпением я ждала, когда эту машину закончат делать и я смогу проехать на ней по селу. Но так как хорошей дороги для этой машины в селе не было и на ней трудно было передвигаться, машину вскоре разобрали. К зиме из этих же досок были сделаны также по чертежам из «Мурзилки» санки с рулем для катания с гор. При первом же их опробовании я испугалась в речной полынье в мороз градусов в 25!

Для спуска было выбрано место у колхозного сада – там склон к реке Кадке самый крутой. На середине склона Миня «рульнул». При резком повороте санок сам он вылетел в сугроб, а я, вцепившись в санки, продолжала катиться вниз на большой

скорости и угодила в незамерзающую припорошенную снегом полынью. Миня хохочет, барахтаясь в сугробе, а я, вцепившись в санки руками, постепенно по шею погружаюсь в воду. И только когда Миня увидел вокруг меня выступившее темное пятно воды, понял, что я в воде. Мгновенно подскочил ко мне и вытянул меня из полыньи, промокшую насквозь, и, усадив меня на эти санки, помчался домой.

Пока добирались до дома, одежда на мне замерзла. Дома раздел меня, усадил на печку, а пальто мое и валенки разослал сушить на горячих кирпичках. Он сильно испугался за меня, боялся, что заболею. Но все обошлось! Мы с ним об этом никому в семье не рассказали, боясь огорчить родителей.

Вдольгие зимние вечера у нас в семье часто проводились чтения. При тусклом свете небольшой керосиновой лампы тятя (так мы звали отца Кузьму Федоровича) обычно занимался ремонтом обуви, сучил дратву и подшивал валенки – чаще всего наши, почему-то быстро изнашивавшиеся и быстро рвавшиеся. Старые изношенные заплатки и подметки он

отрывал и взамен их ставил новые. Мама Евдокия Егоровна перешивала что-нибудь, ремонтировала нашу одежду, зашивая на ней дыры, или вязала носки, рукавицы. А Миня читал вслух. Тятя очень любил слушать, особенно исторические романы – помню, были прочитаны «Цусима» Новикова-Прибоя, «Порт-Артур» Степанова.

В 1937 году правительством было разрешено празднование Нового года с украшением елки. В дом принесли большую хвойную красавицу, срубленную в лесу и привезенную тятей и Миней. Установили в комнате. Все игрушки на нее мы втроем сами сделали заранее из бумаги. Чего только не было на елке: и гирлянды, и бусы, и фонарики, и корзиночки... Все это клеилось из-за отсутствия клея вареной картофельной и раскрашивалось акварельными красками.

Миня и Геня любили играть в шахматы. Они тоже были сделаны из бумаги и картона. Правила игры они узнали все из того же журнала «Мурзилка».

В отличие от меня и Гени, у Мини был хороший звонкий голос. Он хо-

Два брата Иван и Михаил Шершнёвы в Москве. Лето 1938 года.

Снимок из семейного альбома С.К. Шершнёвой-Ивановой

рошо пел, в школьном хоре был запевалой. Хорошо играл на балалайке, которую ему подарил наш дядюшка Василий Егорович Буров – машин брат.

В июле 1938 года Миня ездил в Москву к нашему старшему сводному брату Ване. Пробыл у него около недели. Привез от Вани много радиодеталей и книги по радио – сразу же по возвращении домой начал собирать детекторный радиоприемник.

Я хорошо помню то раннее утро, когда мы втроем – Миня, Геня и я – устанавливали антенну на длинном шесте на крыше сарая. Второй конец антенны укрепили на березе у самого дома. Но в наушники было слышно только потрескивание!

Доделать радиоприемник Мине удалось только в Иванисове, что в трех километрах от Углича, куда мы переехали в августе 38-го года. Сколько непередаваемой радости и гордости было в семье, когда в наушники услышали Москву: «Говорит радиостанция имени Коминтерна!» Ведь ни в Юрьевском, ни в Иванисове никто не имел представления о радиоприемниках! А мы слушаем Москву!!!

Миня почти никогда не снимал наушники. Когда передавались концерты, он откреплял один наушник и можно было слушать вдвоем, а по очереди и всей семье. Слушая радио, Миня мог учить уроки, читать, а часто и засыпал вечерами с наушниками. Во время войны с Финляндией он регулярно слушал сводки Информбюро и почти ежедневно бежал к иванисовским женщинам Наде Медведевой и Леле Комаровой, мужа которых воевали с белофиннами, рассказывал им, какие потери понес враг за истекшие сутки, стараясь вселить в них уверенность в скором окончании войны.

Газет мы не выписывали, не было средств на это. Миня ежедневно брал их в угличской городской библиотеке, и дома поздно вечером прочитывал вслух всей семье. Библиотекарейшей работала мать его одноклассника, и в виде исключения давала ему газеты на дом. Днем (а он учился во вторую смену в школе № 1 Углича) перед уроками он заносил в библиотеку прочитанную газету, а вечером после уроков заходил за новой.

Я уже упоминала в предыдущей главе, что мы из-за бедности в школу ходили в заплатанной одежде, с наставленными рукавами, штанишками. Валенки не было – зимой ходили в летней обуви с резиновыми калошами. А до школы три километра, и зимой дорогу часто заметало

сугробами высотой почти до колен!

Видя, в какой нищенской одежде ходит Миня в школу, а ему уже 18-ый год, мама иногда заводила речь о том, что, может быть, Миня бросить школу и идти работать, чтобы «приодеться». Миня же просил дать ему возможность закончить школу, выучиться, извинялся, что не может ничем сейчас помочь родителям, и обещал, что когда выучится, всю жизнь будет помогать им всем, чем только сможет.

И вот летом 1940-го года десятилетка закончена, успешно сданы выпускные экзамены, и Миня в конце сентября уезжает в Москву – поступает в Московское Командное Пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. После окончания первого курса в конце лета или начале осени 41-го года он обещал приехать домой на каникулы. Но... не приехал, началась война!

Вот что он написал нам в письме 22 июня 1941 года из Солнечногорска (все его письма хранятся у меня):

«Наши праздники – открытие летних лагерей, совпал с великим событием: началом войны между Германией и Советским Союзом. Когда мне сказали об этом, я не поверил. Неужели страна, которая вчера заверяла нас о дружбе, сегодня на нас посмела напасть? Но здесь фашизм найдет себе могилу. Эта война будет, не нужно этого скрывать, тяжелой для нас, но мы уверены, что мы победим, и мы и вы будем самыми счастливыми людьми, если доживем до конца войны...»

Как только узнали о начале войны, сразу же начался общеучилищный митинг. У всех повышенное настроение, и ногу ставим тверже, и песни поем громче, когда идем строем. Вы бы знали, какой подъем охватил нас, желание быстрее встать на защиту Родины.

Учиться осталось немного, осенью нас обязательно выпустят лейтенантами. Если бы вы знали, что я переживаю! Какой-то внутренний подъем, радость и гордость за Родину и за себя (скоро буду лейтенантом!) и еще чего-то переживаю большое, чего не могу выразить (и сам не знаю).

А в письме от 25 июня он нам писал:

«24-го июня, этот день перевернул всю мою жизнь. Я готовился стать в скором времени (1-2 месяца) строевым командиром, но меня послали на курсы переводчиков немецкого языка на русский.

На эти курсы отбирали самых грамотных курсантов из всех пехотных и пулеметных училищ СССР. В число лучших попал и я. Из

Михаил Шершнёв – кремлевский курсант. Сентябрь 1941 года.

Снимок из семейного альбома С.К. Шершнёвой-Ивановой

нас будут готовить лейтенантов-переводчиков для работы в штабе. Я очень доволен, что меня назначили на эти курсы. Сейчас всех курсантов, назначенных на эти курсы, собирают в нашем лагере. Начнем учиться с 1-го июля. Наш главный предмет – немецкий язык.

Я бы мог быть отличником РККА, но я физически слаб, и по таким предметам, как физическая подготовка и рукопашный бой, имею не отличные отметки. Но на этих курсах я постараюсь быть отличником. По немецкому языку я оказался самым лучшим в батальоне. Для меня это очень хорошо. Мне будет и легче, и лучше. Я буду работать где-нибудь в штабе полка или дивизии в особо секретных отделах. Для меня это большое событие».

Привожу выдержки из его письма от 14 сентября 41 года:

«Прошлый год в это время я сдавал испытания в военное училище. Так много для меня прошло времени и так долгим оно мне показалось, что теперь я даже трудно представляю, что вы теперь делаете и как живете. Первое время я сильно скучал, но потом привык к училищу. Но и теперь, когда начинаю думать о доме, о вас, о деревне, становится тяжело и иногда не могу найти места для себя, чтобы успокоиться...»

Теперь я учусь уже не в том училище, в которое поступал, а на военном факультете Института иностранных языков. Уже все мои товарищи – лейтенанты, и я че-

рез несколько месяцев буду лейтенантом, но не просто командир, а буду иметь особую специальность. Мне будет очень хорошо. Еще несколько месяцев, и я вам буду помогать всем, чем могу, так как вы мне дали очень много – вырастили и выучили меня».

В письме от 24-го октября 41 года он пишет:

«Извините, что я так долго не писал. Я не имел возможности, так как мы переезжали. Теперь я живу и учусь недалеко от большого села Ставрополь – районного центра. Село расположено на Волге у Жигулевских гор в 80-ти километрах от Куйбышева. Наши «путешествие» длилось 10 дней. Мы ехали на пароходе по рекам Москва – Ока – Волга. Мы переехали для того, чтобы в ближайшие месяцы быстро доучиться и отправиться для работы в действующую Красную Армию...

Живем и учимся в санатории (кумысолечебнице). Обо мне не беспокойтесь, но я прошу вас, берегите себя. Мне учиться осталось немного, я как только кончу учиться, буду вам помогать всем, чем могу. Вы мне так много дали, выучив меня, что я так вам благодарен, что не могу выразить».

И вот из его письма от 3 февраля 1942 года:

«Сообщаю вам радостную весть: закончил курсы и завтра уезжаю в Куйбышев, а из Куйбышева в Москву. Знали бы вы, как я рад, что скоро попаду на фронт, о чем я все время только мечтал!

Прошел медицинский отбор и, наверно, попаду в Военно-воздушные силы РККА. Все это для меня так неожиданно, что просто не верится. Как только приеду в Москву, присвоят военное звание – лейтенант. Кроме командного звания и должности я имею теперь еще очень хорошую квалификацию – военный переводчик. Это для меня очень хорошо».

Далее из письма от 23 февраля 42 года:

«Пишу вам письмо в первый день моей жизни в настоящей воинской части, да еще в какой: авиадесантной! Теперь я командир Красной Армии самого почетного рода войск. За меня не беспокойтесь, мне будет очень хорошо. На фронт пока не знаю, когда поедem. Живем недалеко от Москвы».

Из письма от 4 марта 42 года:

«Я вам посылаю денежный аттестат, по которому вы будете в военкомате каждое 15-е число месяца получать 600 рублей (включая март и до октября). Извините

меня, но я кроме денег пока вам помочь ничем не могу.

Пишу о себе. Я живу очень хорошо. Пока для меня работы нет. Привыкаю на новом месте и к новым товарищам».

И вот выдержка из письма от 6 апреля 42 года:

«Живу очень хорошо. Сейчас временно работаю командиром роты. Работы очень много, и работа очень ответственная. Я уже два раза прыгал с парашютом и чувствую себя очень хорошо. Прыгаем с высоты 600-700 метров».

И в последнем письме от 14 апреля 1942 года он пишет:

«Я вам посылаю 500 рублей денег. Больше пока помочь ничем не могу. Я живу очень хорошо, обо мне не беспокойтесь. Берегите себя.

Надеюсь, что уже не так долго и мы все увидимся. У меня нового ничего нет, только изменился мой адрес. Я живу все там же и все так же».

Больше писем не было...

Мы продолжали регулярно писать Мине письма. Одно наше письмо от 24 сентября 1942 года вернулось обратно с пометкой: «Адресат выбыл неизвестно куда». На наш запрос в отдел кадров Воздушно-Десантной Армии получили ответ: «Сведения о судьбе Шершнева М.К. в ОК УВДВ ВВС КА нет. Указанная в вашем письме в/ч в настоящее время не существует и навести справки о нем не представляется возможным».

Уже после войны на запрос в Главное Управление Кадров Министерства Обороны получили извещение: «Лейтенант Шершнев М.К., военный переводчик 2-го парашютно-десантного батальона 23 воздушно-десантной бригады, пропал без вести 14 апреля 1942 года».

Очень сильно убивалась по Мине мама. Горю ее не было предела. Иногда у нас появлялась слабая надежда, что он объявится, вернется домой, как некоторые пропавшие на фронте без вести. Но он не вернулся.

Для меня он был в раннем детстве ласковой терпеливой нянькой, потом старшим товарищем и другом, выучившим меня и всегда заступавшимся за меня, если кто обижал. И всегда был примером и авторитетом для меня и Гени. Мы все его очень любили и потеря его для нас была огромной бедой...

София Кузьмовна ШЕРШНЁВА-ИВАНОВА,

п. Покотиловка (Украина) – г. Углич

Окончание следует.

Искирьки

Коротко о Кадке в войну

КАЦКИЙ СТАН, СЛАВА БОГУ, НЕ ТОПАЛА НОГА ФАШИСТА,

но почти весь 1942 год наши земли были прифронтовой территорией. Враг был совсем рядом – в сорока километрах: кацкари слышали канонады недалеких боев, видели свои и вражеские самолеты, наблюдали, как по нашим дорогам гнали и гнали скот из западных областей на восток. Кстати, уже был составлен план эвакуации и кацких животноводческих ферм. На всякий случай разобрали и мост через реку Кадку по старой Питерской дороге возле деревни Медлева – мало ли, вдруг враг линию обороны прорвет...

ВСЕ ВРЕМЯ, ПОКА ФАШИСТЫ БЫЛИ В СОСЕДНЕЙ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ,

в Кацком стане действовал созданный из местного населения истребительный батальон. 12 кацкарей под командованием директора Рождественской МТС Николая Карпова без отрыва, как сейчас говорят, от производства наблюдали за настроением населения прифронтовой территории, уничтожали немецкие листовки, оказывали всемерную помощь эвакуированным. Вооруженные лишь одной трехлинейной винтовкой, тремя малокалиберными карабинами и бутылками с зажигательной смесью бойцы батальона, тем не менее, смогли задержать и конвоировать в Мышкин 5 подозрительных лиц и 3 дезертиров из числа местных военнопленных.

10 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА один из советских бомбардировщиков, летевших над Рождественском-Кацким, по неизвестной причине загорелся прямо в воздухе. Чтобы не упасть на село, летчики развернули самолет в направлении Ненорова, но не сбереглись: машина упала и подорвалась на собственных бомбах. Весь экипаж – четыре молодых парня от 20 до 23 лет – погиб; их тела ныне покоятся в братской могиле на Рождественском кладбище. Вот имена погибших: старшина Сергей Тимофеевич Овсянников, старшина Александр Иванович Петропавлов, младший сержант Тимофей Павлович Лямин и младший сержант Петр Тимофеевич Семенов.

Побахóрим по-кацки

Кочй́га, кочй́га...

В огромной нашей необъятной России проживает 121 миллион русских людей. И живут они везде неодинаково. Судите сами: территория России – 17075400 квадратных километров, с запада на восток она протянулась на целых 9000 километров!

Естественно, на таких больших пространствах и климат, и рельеф, и условия жизни людей, и их занятия разные. На севере, например, снег лежит 260-280 дней в году, средняя температура января (в некоторых районах Якутии) минус 50 градусов по Цельсию – земледелием заниматься практически невозможно. А на юге, напротив, средняя температура января около 0 градусов и снег лежит не более 60-80 дней – совсем другая жизнь!

Неодинакова и речь русских людей – всюду какие-то свои особенности, да такие, что специалист без труда определит, кто перед ним: житель Ярославии или Рязанской области.

Свои отличительные речевые особенности имеем и мы, кацкари. В нашей новой рубрике «Побахóрим по-кацки» («Поговорим по-кацки») мы будем с ними потихонечку знакомиться. Причем такой цели, чтобы все кругом заговорили на кацком наречии, мы совсем не ставим. Просто кацкая речь – это наши истоки. Это наш фундамент: убери его, и разрушится здание настоящего и уж совсем не построишь будущего.

Так что вперед – к изучению говора кацкарей!

СЫГРАЕМ В «КОЧЙ́ГУ»

Помятутя о том, что постичь любой язык вернее всего через фольклор, начнем серию заметок о кацком диалекте с разучивания какой-нибудь кацкой прибаюки. Скажем, с «Кочй́ги»...

А что, «Кочй́га» до сих пор популярна, ее и по сию пору услышать можно, причем везде рассказывают немного по-разному. Есть даже непечатные варианты, но мы опубликуем самый нейтральный и кацкий из них.

Итак, в «Кочй́гу» играют двое. Один другого хватает за чуб и, совершая вращательные движения, произносит:

*Кочй́га, кочй́га,
Чому тебе́ мать учи́ла?
Жить – не ляде́ть,
Колёсам ве́реть.
Муха или тчо́ла?*

Тот, чей чуб вертят, должен выбрать ответ. Если он скажет *тчо́ла*, то произносятся слова *Опять дра́ть начала*, и все повторяется сначала. На ответ *муха* есть два продолжения: или *Дотяни до самого брюха* (при этом, действительно, голову за чуб наклоняют как можно ниже), или *Хватя тебе́ за брюхо* (при этом неожиданно хватают партнера за живот).

Обычно «Кочй́гу» показывают родители, желая наказать за какую-нибудь небольшую провинность ребенка: тому одновременно и смешно, и больно, и повторять проказу уже не хочется. Но и малыши, запомнив слова от взрослых, бывает, показывают «Кочй́гу» друг на друга.

ТЕПЕРЬ НАУЧИМСЯ ЁКАТЬ

Чтобы прочесть прибаюку именно по-кацки, надобно прежде научиться по-кацки ёкать – произносить «ё» в безударном положении.

Сделать это не так просто, пото-

му как еще со школьной скамьи все мы усвоили, что в русском литературном языке на «ё» ударение падает всегда. Но в том-то и дело, что это в литературном языке! А во многих северорусских говорах с завидной легкостью «ё» произносят и без ударения, и кацкий диалект – не исключение. (Считается, что ёканье жители Русского Севера позаимствовали от соседей финно-угров – финские языки ёкающие. Только ёкают русские разных местностей по-разному).

В каких случаях ёкают кацкари? В трех!

Во-первых, в личных окончаниях глаголов I спряжения. Прислушайтесь, как произносятся кацкари, особенно старики: *ты знаёшь, он знаёт, мы знаём, вы знаёте* – во всех случаях в окончании четко произносится «ё», тогда как ударение неизменно падает на «а».

Во-вторых, «ё» в кацком диалекте – показатель среднего рода имен существительных и прилагательных: *варе́ньё вку́сноё, горе́ го́рькёё, по́йло жа́хлюё* (теплое).

Третий случай самый трудный, а потому усвоить его надо всенепременно: «е» в речи кацкарей переходит в «ё» и в корнях слов, если стоит в первом предударном или первом заударном слогах. Например, *весна*: ударение падает на «а», «е» стоит в первом предударном слоге – следовательно, по-настоящему, по-кацки, необходимо произносить *ве́сна*.

Но, подчеркнем еще раз, третье правило распространяется только на корни – в приставках и суффиксах «е» остается «е». Скажем, слово *перемена* кацкарь так и произнесет *перемена*, несмотря на то, что вторая «е» в нем – в первом предударном слоге. Но «пере-» здесь – приставка!

А в суффиксах, в частности, в уменьшительно-ласкательных, даже случается и обратный процесс: «о» и «ё» в речи кацкарей превращаются в «е»: *мешёчек, дружёчек, пузырёчек, порошечек*. Причем, бывает, так увлечется, что и корневую «ё» в «е» обратят: *гнездо́ишко, ве́дрьишко*...

Но вернемся к «Кочй́ге».

В словах *челу, тебя, колесом, вертеть, тчо́ла* «е» в первых предударных слогах – следовательно, рассказывая прибаюку, будем произносить *чому, тебе́, колёсам, ве́реть, тчо́ла*. И ни в коем случае не меняя ударение!

А ЧТО ТАКОЕ «КОЧЙ́ГА»?

Действительно, что-то мы поувлеклись произношением, а между тем остались непереуверенными кацкие диалектные слова.

Кочй́гою, как, впрочем, легко догадаться из текста прибаюки, кацкари называют чуб, челку. Это слово с тем же значением зафиксировано в Ярославском областном словаре как бытуемое у жителей Тутаевского и Ярославского районов. А вот производное от него, похоже, характерно только для кацкарей. Это *кочй́ски* – косички. *Мну́ке-то выступать*, – такой у нас записан пример, – *дак надо ей кочй́ски заплёсти!*

НЕ ЛЯДЕЙТЕ, ЛЮДИ!

Слово *ляде́ть* – похоже, очень старое и когда-то было чрезвычайно распространено по Руси. По крайней мере составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль слышал его в XIX веке и в Новгородской, и в Костромской, и в Тамбовской губерниях. Значения он записал такие: хилеть, худать, сохнуть, изнывать. Для жителей же Ярославии *ляде́ть* – прежде всего болеть; это подтверждает Ярославский областной словарь.

В речи кацкарей *ляде́ть* – тоже болеть, причем, по нашим наблюдениям, так в первую очередь скажут в случае тяжелой или продолжительной, хронической болезни. Об ОРЗ или простуде скорее всего скажут *хворать*.

Производные от *ляде́ть*: *лядящой* – большой, *ляд* – болезнь, немочь. Справедливости ради отметим, что кацкари здесь не оригинальны: и эти слова знают жители иных мест области. *Лядельня* же нигде не отмечена. Это место, где много больных людей – медпункт, больница: *«У вас ишо лядельня – вся семья лядеёт!»*

Сергей ТЕМНЯТКИН,
д. Мартыново, Средняя Кадка

Кацкая топонимика

Названия Мартыновских прудов

Топонимика – как известно, наука о названиях. Ее значение трудно переоценить, ибо топонимы – названия – не берутся «с потолка». За каждым из них стоят своя история, свои человеческие судьбы, своя мудрость, свои хитрости и тонкости народной жизни. Существующие, как правило, не одно десятилетие, столетие, а подчас и целое тысячелетие, топонимы являются самым емким и одновременно самым беспристрастным кладом генной памяти народа, откуда надо только научиться черпать информацию о прошлом своей страны – далеко и близко.

Ученики Мартыновской школы имени П.А. Пятницкой собирают топонимы уже несколько лет, в основном опрашивая кацкарей: как молодых, так и старожил. На основе собранного материала ежегодно проводится конкурс сочинений-исследований «Дорогие сердцу названия», которые регулярно печатаются в «Кацкой летописи» – постоянные читатели с ними знакомы.

Особенно внимательны мартыновские школьники к названиям так называемых «малых географических объектов»: небольших речек, ручьев, омутов, прудов, колодцев, деревенских посадов и так далее. Все они чаще всего на картах не отмечены и в документах не зафиксированы, а потому недолговечны. Особенно быстро исчезают топонимы малых географических объектов в наши дни, когда сельское население стремительно уменьшается. Насколько возможно, сохранить названия, не потерять их безвозвратно – такова основная цель топонимистической работы учащихся Мартыновской школы имени П.А. Пятницкой.

Данное исследование посвящено гидронимам (гидроним – топоним водного объекта) прудов деревни Мартыново Средней Кадки и ближайших мартыновских окрестностей. При записи названий сохранена диалектная форма их произношения. Что ж, начнем путешествие по мартыновским прудам!

ПРУДЫ, НОСЯЩИЕ ИМЕНА ЛЮДЕЙ (АНТРОПОГИДРОНИМЫ)

МЕЛЁШКИН ПРУД (ФЁДОРА СЕМЁНОВА ПРУД). Этот большой старинный пруд расположен на западной окраине Мартынова, в посаде Каменка, и встречает всякого приезжающего со стороны города Мышкина. В настоящее время на его восточном берегу раскинулся парк Победы с памятником погибшим в годы Великой Отечественной войны кацкарям. Но еще сравнительно недавно, в начале 80-х годов XX века, на месте парка была усадьба семьи Мелёшкиных – отсюда и название.

Кстати, появление этого антропогидронима можно датировать с абсолютной точностью, потому что доподлинно известно, что Мелёшкины купили свой современный дом с земельным участком в 1949 году.

Самые старые мартыновцы вспомнили, что до этого пруд назывался Фёдора Семёнова пруд, потому как в доме жил и усадьбой владел Фёдор «Семёнов сын» Суворов. Из «Метрических книг церкви села Юрьевского» известно, что родился он в 1874 году. В начале 1930-х годов Фёдора «Семёнова сына» раскулачили, и в доме до 1949 года располагалась колхозная контора. И вот парадокс: как минимум два десятилетия (1930-1940-ые годы), в самый расцвет сталинского тоталитарного режима пруд продолжал называться именем раскулаченного и сосланного на спецпоселение «врага народа»! Так порой причудливо сочетаются в деревенской жизни взаимоисключающие явления!

КОМОВ ПРУД. Через шоссе, метрах в трехстах от Мелёшкина пруда, располагается другой старинный пруд – Комов. Старики рассказали, что когда-то в его берег упиралась усадьба Комовых, но кто они такие – не пояснили: «Еще до нас жили!» В документах тоже ничего об этой семье пока не обнаружено. Вполне возможно, Комовы – неофициальная, уличная фамилия (таковые и по сей день распространены у кацкарей).

ОКСЁНОВ ПРУД (МАРЬИ ИВАНОВНЫ ПРУД, ВИНОГРАДОВЫХ ПРУД). Если добираться в Мартыново из Углича, то при въезде в жилую часть деревни путника встречает большой и глубокий Оксёнов пруд. Так его прозвали потому, что на его берегу стоял дом Оксёна Липатова.

Оксён Липатов – это по-кацки, а по паспорту он Авксентий Ипатьевич Щеников, 1889 года рождения февраля 12 дня. Об Оксёне кацкари рассказывают много и охотно, иногда и то, что на самом деле с ним никогда не случилось. По сути, Оксён стал героем кацкого фольклора.

Он умел заговаривать зубную боль, выводить бородавки, его теща Офимия была страшной колдуньей, но больше всего Оксён прославился тем, что не выговаривал буквы «р» и «л». Правда, сей недостаток свой тщательно скрывал и речь строил так, чтобы не употреблять слова с этими буквами вовсе. Уж и так его поддавливали, и этак – с час проговорит и ни одного слова с буквами «р» и «л» не скажет! Для самых опасных слу-

шав он даже придумал собственный язык, в котором не было слов с этими коварными буквами вовсе: пилу он звал «музыка», топор – «тупица», а рукавицы – «наконешники».

Любопытно, что сейчас некоторые жители Мартынова Оксёнов пруд стали звать пруд Марьи Ивановны или пруд Виноградовых, потому что теперь рядом с ним живет Мария Ивановна Виноградова. Однако окончательной смены названия пруда не произошло – все-таки непросто забыть такую колоритную личность как Оксён Липатов. Да и незачем забывать!

АЛЁНКИН ПРУД (ОЛЁНИН ПРУД, ПЕТУШИХИН ПРУД, МАТВЕЕВ ПРУД). Четвертый старинный мартыновский пруд расположен между посадами Старое Мартыново в Щербово. Кто-то и до сих пор зовёт его Матвеевым прудом, потому что помнит Матвея Алексеевича Виноградова, чей дом стоял на берегу пруда. Но большинство жителей деревни запомнили его сестру Олёну Алексеевну Ершову по прозвищу Петушиха, что доживала в доме брата, и зовут пруд либо Олёнин (старики), либо Алёнкин (молодежь).

Ну, а экскурсоводы расположенного в Мартынове Музея кацкарей, ведя мимо пруда экскурсии, уверяют туристов, что именно на его берегу горевала о братце знаменитая Алёнушка...

ПРУДЫ, НОСЯЩИЕ ИМЕНА «НОВОЙ – СТАРОЙ»

НОВОЙ ПРУД – СТАРОЙ ПРУД. Топонимы, содержащие слова «новый» и «старый», чрезвычайно распространены в России. Не исключение и Кацкий стан, в том числе и интересующая нас деревня Мартыново со своими прудами.

В самом начале 1930-х годов только что образованный колхоз «Восход» на северной окраине Мартынова выкопал новый большой общественный пруд, который, не раздумывая долго, так и стали называть – Новой пруд.

Так и был Новой пруд новым, пока через пятьдесят лет, в начале 1980-х годов, колхоз не выкопал еще один пруд немного поодаль. Свежевырытый пруд сразу стали звать Новым, а бывший Новой – Старым! В общем, типичная старая новая история...

ПРУДЫ, ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ КОТОРЫХ СТАЛ ДИАЛЕКТНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

ПРУД МОШОК. Ах, как любили мартыновцы в давнее, доколхозное еще, время бегать за клюквой да гонобобелем в небольшой мошок к северо-востоку от деревни! Мох – по-кацки «моховое болото»; мошок – стало быть, «небольшое болотце». Но вот в 1930-х годах молодой колхоз принялся добывать из мошка торф, а после того, как весь торф оказался выбранным, стал мошок... прудом! А зовут его и по сию пору пруд Мошок.

ЛЯГУШАТНИК-ПРУД. Лягушатником кацкари называют всякий мелкий водоем (неглубокое место в реке, небольшой прудок или канава), в котором без

риска для жизни могут плескаться малыши. Поэтому неудивительно, что один из прудов в хозяйственной восточной части деревни так и прозвали – пруд Лягушатник.

Правда, сейчас его загрязнили горюче-смазочными материалами стоящей неподалеку колхозной заправки, но название надежно хранит память о том светлом времени, когда в нем так любили купаться деревенские ребята. Имя нарицательное в данном случае навсегда стало именем собственным.

ПРУДЫ, НАЗВАННЫЕ ПО НАЗНАЧЕНИЮ

БАССЕЙКА-ПРУД. Когда в 70-е годы XX века по руслу мартыновской речки Чернавки прорыли мелиорационный канал и исчезли речные бочаги да омутки, деревенским жителям стало негде купаться. Колхоз решил вырыть пруд специально для купания; получился он длинным и узким – ну, всамделишный бассейн! Так его и назвали – пруд Бассейка.

Однако «хотели каклучше, а получилось как всегда»: место выбрали неудачно, и пруд заполнился нечистотами от расположенной неподалеку на холме фермы. Грустная история...

ПРУДЫ, НОСЯЩИЕ ОТВЛЕЧЕННЫЕ НАЗВАНИЯ

ПИРАТСКОЙ ПРУД. Наверное, будущие исследователи будут долго ломать головы, пытаясь разгадать тайну названия пруда, расположенного возле колхозной зерносушилки. И в самом деле, отчего его зовут Пиратским прудом? И наверняка найдется какой-нибудь убежденный сединами старик, который припомнит, что мальчишки 1990-х годов очень любили кататься на этом пруду на плотках, разыгрывая между собой самые настоящие морские баталии. Они-то и прозвали пруд Пиратским, а с их легкой руки все остальное население Мартынова.

ПРУДЫ,

НАЗВАННЫЕ ПО РАСПОЛОЖЕНИЮ РЯДОМ ОБЪЕКТАМ

КОНЮШЕННОЙ ПРУД (ПРУД КОНЮШНЯ). Пруд, как легко догадаться, расположен рядом с конюшней и служит водоемом для лошадей. Но в нем не брезгают и купаться, при этом можно слышать: «Куда купаться-то пойдём?» – «Да на Конюшню!»

СЕННОЙ ПРУД (ПРУД СЕННУ́ХА). А этот пруд подле огромного колхозного сарая, в котором хранится колхозное сено. В нем тоже купаются, а называют по-разному: более почтительно – Сенной пруд или по-своему – пруд Сенну́ха.

ПРУДЫ, ЧЬИ НАЗВАНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ВТОРИЧНЫМИ ТОПОНИМАМИ

БУХАЛОВСКОЙ ПРУД (БУХА́ЛОВ ПРУД). Пруд большой, выкопанный в незапамятные времена, а оттого уже начинающий зарастать. Но в качестве водоема для деревенских стад вполне пригоден и сейчас. Название получил оттого, что расположен в Бухалове – пустоши к северо-востоку от Мартынова. Ну, а первую фигуру «Кадрили» в деревне когда-то начинали танцевать с такими словами: «На Бухаловом пруде листочки плавали в воде...»

ДЕРЕВЯЗИНСКОЙ ПРУД. Этот тоже очень древний пруд интересен прежде всего тем, что из него вытекает небольшая мартыновская речка Чернавка, ныне почти вся превращенная в мелиорационный канал. Расположен в лесу Деревязине – отсюда и название. Но, оказывается, и название леса – не первичный топоним. «Угличские писцовые книги» XVII века сообщают, что в этих местах некогда существовала одноименная деревня. «Пустошь, что была деревней, Деревязино, а Деревятино то ж», – сообщают о ней писцы около 1630 года. Кстати, лес Деревязино сейчас довольно обширен, но благодаря пруду можно предположить, что средневековая деревня располагалась где-то рядом с ним.

ВОЛКОВСКОЙ ПРУД (ВОЛКОВ ПРУД). Расположен к северу от Мартынова, в лесу Волкове – отсюда и название. Лес же в свою очередь опять назван по средневековой деревне Волково – вполне возможно, от нее пруд и остался. Деревня Волково исчезла очень давно, угличские писцы уже около 1630 года писали о ней, как о несуще-

ствующей: «За Онтоном Алексеевым сыном Шигаевым, по его Антоново сказке, паши Мурзы Дербишева поместье – пустошь, что была деревней, Волкова». Кстати, энциклопедии Дербишева знают и сообщают, что в России он владел поместьями в 1551-56 годах – вот как давно живет это название!

В начале XX столетия на берегу Волковского пруда стоял хутор дяди Вани Пятака – об этом еще многие мартыновцы помнят.

ОПРАКСИНСКИЕ ПРУДЫ: ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ. К востоку от Мартынова располагаются руины бывлой блистательной усадьбы Опраксина (Апраксина): запущенный парк со стройными рядами двухсотлетних лиственных, лип да берез и два огромных пруда, дна которых выложены плитами. Их-то и называют мартыновцы Опраксинские пруды, а если возникает необходимость их различить, то уточняют: Первой Опраксинской и Второй Опраксинской пруд.

Документы впервые застают их аж в 1808 году! Правда, тогда их было не два, а... четыре! Дело в том, что в 1808 году была составлена подробнейшая опись имения почившего в бозе помещика Петра Петровича Батурина. Об Опраксинских прудах в ней сообщается:

- первый имел длину 14 сажень (29,8 м) и ширину 15 сажень (32 м);
- второй – длину тоже 14 сажень, а ширину 13 сажень (27,7 м);
- длина третьего – 16 сажень (34,1 м), ширина – 13 сажень;
- четвертый пруд, малый, был длиной в 3 сажени (6,4 м) и шириной в 2 сажени (4,3 м).

Документ сообщает, что три крупных пруда были полноводны и «рыбоводны достаточно обильно». Малый пруд существовал как резервный, для сбора лишней воды, и обычно был сух. Почему же теперь прудов в Опраксине всего два? Видимо, их соединил попарно следующий владелец усадьбы Афанасий Иванович Башмаков.

ПЯТКИНСКОЙ ПРУД. Пруд старый, большой, с вечно черной мрачной водой. Расположен в пустоши Пяткине, но, оказалось, и она в средние века была населена! «Шемарханского царевича Шихимова порозжее поместье пустошь, что была деревней, Пяткина», – записали угличские писцы около 1630 года.

«БЕЗЫМЯННЫЕ» ПРУДЫ

СТРОГО ГОВОРЯ, безымянными их назвать нельзя, потому что имена у них все-таки есть. Но, с другой стороны, их названия несколько необычны по форме, по построению, потому-то мы рискуем определить их как «безымянные» в кавычках.

ПРУД У ПИЛОРАМЫ. Пруд вырыт в 1970-е годы, но как тридцать лет назад, так и сейчас зовется не иначе как Пруд у пилорамы. При этом абсолютно всем мартыновцам понятно, какой именно пруд имеется в виду. Следовательно, «У пилорамы» – это все-таки вот такой необычный топоним.

ПРУД НА ТОПОРКЕ. Топорка – пустошь к востоку от Мартынова. Пруд, который находится на ней (ровесник между прочим, Пруд у пилорамы), все так и зовут – Пруд на Топорке.

ПРУД НА ВЫГОНЕ. Самый молодой пруд – ему десять лет. Вырыт к западу от деревни для водоема домашней скотины; отсюда и название – Пруд на выгоне (выгон – покоски «пастбище»).

...Изучение топонимов прудов – занятие чрезвычайно интересное. В названиях этих, казалось бы, незначительных объектов, как в зеркале, со всех сторон раскрывается микромир русской деревни: ее история, ее люди, ее география и еще много-много других сторон и черточек, которые с первого взгляда немудрено и не заметишь...

Ольга ВОРОБЬЁВА,
Мартыновская школа имени П.А. Пятницкой
Руководитель работы – С.Н. ТЕМНЯТКИН

Переписка с читателями

Ищу Гариных из Ковезина

Я собираю материал по своей родословной. Мой прапрадед Иван Николаевич Гарин жил в селе Ковезине Верхней Кадки. В селе ему принадлежал двухэтажный дом (позднее – Ковезинская школа) и ряд других построек.

Мой прадед Константин Иванович Гарин жил со своей семьей в том же селе в отдельном доме, а в 1932 году его арестовали как кулака и сослали в Казахстан, где он и пропал. Семья пошла по миру – в частности, мой дед Сергей Константинович Гарин некоторое время жил и работал пастухом в ныне несуществующей деревне Антипове.

Не подскажите ли, где можно найти дополнительный материал по своим предкам, жившим в Ковезине?

*Эдуард Николаевич Гарин,
п. Борок Некоузского р-она

Иван Николаевич Гарин – фигура для Кацкого стана значимая. В Ковезине, где он жил, к 1917 году ему принадлежали двухэтажный жилой дом, мелочная, казенная винная, пивная, чайная лавки и склад для скупленного хлеба. Кро-

Одна из лавок И.Н. Гарина.

Фото С. Темняткина, 2000 г.

ме того, в недалеком Кучине он выстроил сыроваренный завод, а в Аристове на паях с братьями Макеевыми владел маслобойней. И сколько бы еще он мог построить и основать, кабы не революция!

Естественно, что вслед за нечаянно отыскавшимся праправнуком этого замечательного хозяйственника и мы заинтересовались: какого ж Гарины роду-племени?

Оказалось, Гарины происходят из города Мышкина! Об этом сообщают «Исповедные росписи церкви села Покровского в Кадке», которые

в 1839 году зафиксировали приезд в сельцо Ковезино новой семьи: мышкинского мещанина Петра Яковлева 68-ми лет и его жены Феклы Савельевой 58-ми лет. Впрочем, супруга в тот же год скончалась, но овдовевший муж не остался одинок: к нему переезжает со своею семьею сын Ефим Петров.

В 1857 году ее состав был такой:

Ефим Петров – 62 года,
Жена его Агафья Ерофеева – 59 лет,
зять их Николай Григорьев – 28 лет,
жена его Марфа Ефимова – 27 лет,
дети их Ольга 6-ти лет и Анна 5-ти лет.

В 1863 году у молодой четы и родился сын Иван – будущий Иван Николаевич Гарин. Около 1885 года он сочетался браком с девицей Христиной Евгеньевой, и пошли у них дети: в 1886 году – София, в 1888 году – Константин и далее Мария, Владимир, Ольга, Михаил...

К сожалению, метрические книги церкви села Покровского в Кадке, к чьему приходу относилось Ковезино, не сохранились, а потому точных дат рождений, венчаний и смертей членов семьи Гариных выяснить не удалось.

Эдуарду же Витальевичу огромное спасибо за письмо. Приглашаем в гости. И – напишите о Вашей семье, непременно напечатаем!

Ваша «КЛ»

Современное состояние дома И.Н. Гарина (в 1932-1999 годах – Ковезинская школа).
Фото С. Темняткина, 2000 г.

Узелки на память**Программа****X Кацких краеведческих чтений**
село Ордино, Нижняя Кадка, 10 февраля 2005 года**10.00-10.20 – ОТКРЫТИЕ ЧТЕНИЙ****10.20-11.20 – ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ:****«ИЗ ДНЯ БЫЛОГО В ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ»**

1. Темняткин Сергей Николаевич (д. Мартыново, Музей кацкарей)
«Начальная письменная история Нижней Кадки по данной грамоте Андрея Большого 1476 года».
2. Городецкая Ольга Александровна (г. Углич, краевед)
«Неожиданная встреча: кацкарь Нилов в финском издании».
3. Романюк Валерий Александрович (с. Климатино, школа)
«Как ординские робята по Богданке бегали... (к истории возникновения одной ча-
стушки)».
4. Галстян Эмма (г. Углич, средняя школа № 2)
«Все начинается с дороги: В.А. Багдасарьян и ординская земля».
5. Левагина Светлана Николаевна (г. Ярославль, областная юношеская библиотека)
«Глазами матери дом смотрит на меня... (лирика П.Н. Голосова)».

11.20-11.30 – ПЕРЕРЫВ**11.30-12.30 – ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ:****«С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ПЕРВАЯ КАЦКАЯ!»**

1. Третьякова Татьяна Анатольевна (г. Углич, государственный архив)
«Нефедьевское начальное земское училище в дореволюционный период (1855-
1917 гг.)».
2. Зайчикова Ольга Геннадьевна (г. Углич, государственный архив)
«Из советского периода истории Нефедьевской школы (после 1917 года)».
3. Ученики Ординской основной общеобразовательной школы
«Как учились наши папы и мамы, дедушки и бабушки».
4. Галкина Ольга (с. Климатино, школа)
«Школы Нижней Кадки: что было, что стало».
5. Зернова Марина (с. Богородское, школа)
«Страницы истории Богородской школы».

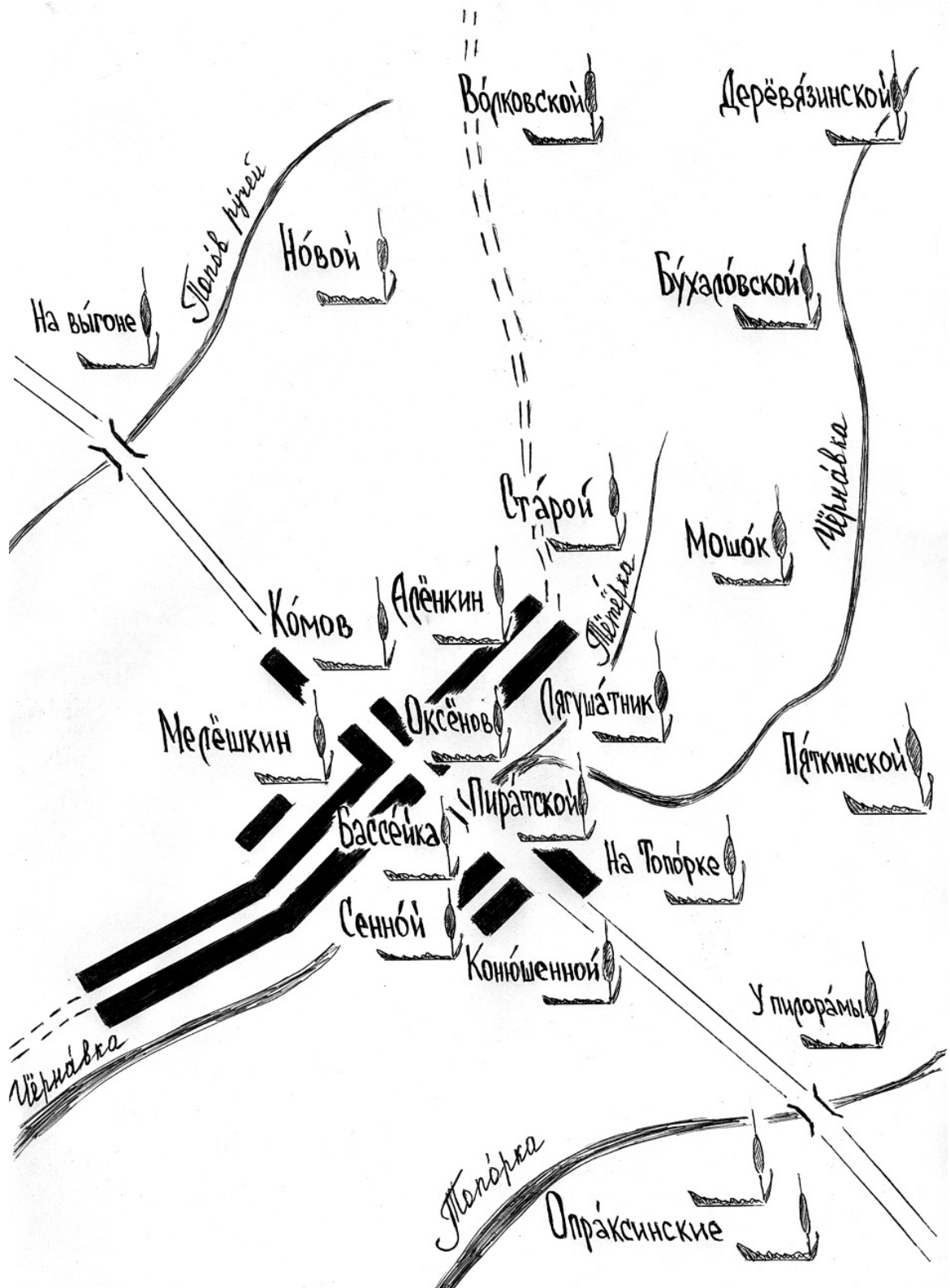
12.30-12.40 – ПЕРЕРЫВ**12.40-13.40 – ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ****«ЗЕМЛЯКИ – КАЦКАРИ»**

1. Шерстнёв Александр (с. Рождествено в Кадке, школа)
«Школьный «Альбом Памяти» ветеранов Великой Отечественной войны».
2. Борисов Андрей (с. Богородское, школа)
«Пережившая блокаду (жизнь и подвиг А.М. Кругловой)».
3. Галкин Дмитрий (с. Ордино, школа)
«Судьба человека в судьбе страны. Светлой памяти С.А. Кукличева».
4. Румянцев Николай Викторович (д. Мартыново, Музей кацкарей)
«П.С. Кукличев и его фенологические заметки».
5. Иванова Валентина Николаевна (д. Платуново, библиотека)
«Жила-была учительница В.А. Булочникова».
6. Голосов Павел Николаевич (с. Ордино, школа)
«О времени и о земле. Новые стихи».

13.40-14.15 – ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ ЧТЕНИЙ**КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОВЕТЫ КАЦКАРЯМ»**

Вели чтения: *Темняткин Сергей Николаевич (д. Мартыново, Музей кацкарей),
Великолепова Елена Алексеевна (д. Мартыново, Дом культуры)*

Мартыновские пруды

На карте схематично изображен 21 наиболее крупный пруд деревни Мартыново и ее ближайших окрестностей. Из многих названий выбраны самые распространенные; названия прудов приведены в соответствии с кацким диалектным произношением.

Автор-составитель С. ТЕМНЯТКИН